П. Засодимскій.

ПЕРВЫЙ РУССКІЙ ПЕЧАТНИКЪ
Иванъ Θедоровъ.

(БІОГРАФИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ).

ИЗДАНІЕ
КНИЖНАГО МАГАЗИНА
Торговаго Дома С. КУРНИНЪ и К°,
Москва,
Верхніе Торг. ряды, Средн.
лин., № 120.

1149

ОИК

ОИК

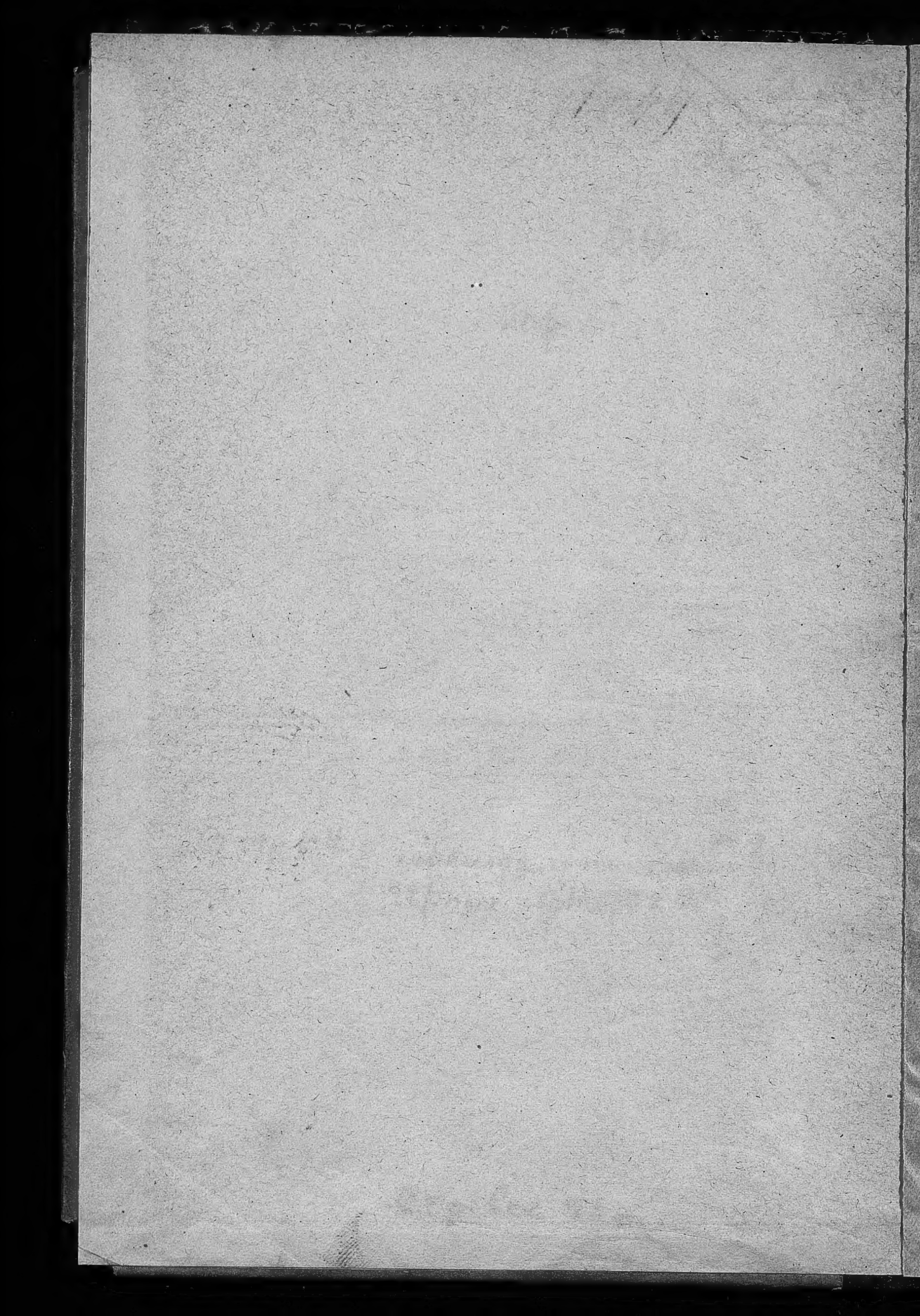
Спр.

ЛЗ стр. 6, 7, 8, корешок и переплет в черных чернилах [illegible]

Стр. все Фен

ПЕРВЫЙ РУССКІЙ ПЕЧАТНИКЪ

Иванъ Федоровъ

П. Засодимскій.

ПЕРВЫЙ РУССКІЙ ПЕЧАТНИКЪ

Иванъ Ѳедоровъ.

(БІОГРАФИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ).

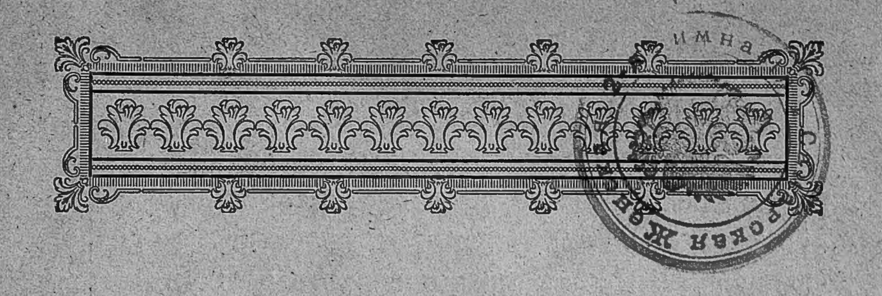

МОСКВА.
Типо-литографія Товарищества И. Н. Кушнеревъ и К°, Пименовская улица, соб. домъ.
1901.

ОИИ

Дозволено цензурою. Москва, 3 ноября 1901 года.

Первый русскій печатникъ Иванъ Ѳедоровъ.

(Біографическій очеркъ).

I.

Въ Петербургѣ 5 декабря 1883 года, въ Казанскомъ соборѣ торжественно служили панихиду по Иванѣ Ѳедоровѣ. На слѣдующій день, 6 декабря, въ Петербургской городской думѣ происходило торжественное собраніе, посвященное памяти Ивана Ѳедорова. Громадная зала и хоры были биткомъ набиты народомъ. Публика на этотъ разъ сошлась сюда самая разнообразная: можно было увидать и важныхъ господъ со звѣздами и лентами черезъ плечо, и рабочихъ въ праздничной одеждѣ, и священниковъ въ черныхъ рясахъ, и нарядныхъ дамъ съ длинными шлейфами, и простыхъ женщинъ съ платками на головахъ, и студентовъ, и гимназистовъ, и офицеровъ... Очевидно, гостями на этихъ необыкновенныхъ, торжественныхъ, всенародныхъ поминкахъ могли быть всѣ безъ разбора, кто пожелалъ бы въ то утро войти въ залу городской думы.

Здѣсь происходило чтеніе объ Иванѣ Өедоровѣ и въ память его. Каждому посѣтителю при входѣ раздавалась книжка, изящно отпечатанная, съ рисунками: «Очеркъ жизни и дѣятельности Ивана Өедорова». Поэты читали стихотворенія въ честь Ивана Өедорова; извѣстные музыканты играли на скрипкѣ мотивы изъ русскихъ пѣсенъ; одинъ изъ лучшихъ нашихъ артистовъ, любимецъ публики, прекрасно спѣлъ нѣсколько арій изъ русской оперы. У эстрады, на пюпитрѣ, лежала какая-то старинная книга въ темномъ переплетѣ. Публика подходила и въ почтительномъ молчаніи внимательно разсматривала эту книгу... И всѣ поминали Ивана Өедорова; имя его было у всѣхъ на языкѣ.

Такъ же торжественно справляли поминки Ивану Өедорову и въ Москвѣ, и въ большихъ провинціальныхъ городахъ, и даже за границей—въ городѣ Львовѣ, въ Галиціи *), называвшейся въ старину Червонною Русью...

Что же это былъ за человѣкъ, поминки по которомъ справлялись такъ торжественно? Можетъ быть, великій поэтъ? Полководецъ? Или какой-нибудь знаменитый государственный мужъ? Ни то, ни другое, ни третье... Иванъ Өедоровъ былъ просто дьяконъ одной московской церкви, жившій за 300 лѣтъ до нашего времени, мало извѣстный при жизни, неутомимый, смиренный труженикъ, но великій по своей дѣятельности на пользу народа:

Онъ напечаталъ первую книгу на Руси,

*) Нынѣ—одна изъ областей Австрійской имперіи.

II.

До Ивана Өедорова на Руси книги были рукописныя. Списываньемъ книгъ занимались и монахи и свѣтскіе люди. Къ концу XV столѣтія, передъ появленіемъ Ивана Өедорова, спросъ на книги усилился, а поэтому увеличилось и число «доброписцевъ», то-есть переписчиковъ богослужебныхъ и вообще всякихъ книгъ «четьи» («читаемыхъ»). Книги писались или по заказу, или прямо на продажу и выставлялись на торжищахъ. Эти книги украшались ярко расписанными заставками и вычурными начальными буквами, но, несмотря на всѣ эти украшенья и малеванья, представляли большія неудобства. Рукописныя книги были неудобны для употребленія уже по одному тому, что являлись или въ видѣ чрезвычайно толстыхъ тетрадей, которыми, по народному выраженію, «можно было быка убить», или же въ видѣ свитковъ въ нѣсколько десятковъ саженъ длины; затѣмъ, онѣ писались очень медленно, кропотливо, и все-таки ихъ оказывалось менѣе, чѣмъ было нужно; всего же хуже было то, что, по разсѣянности или невѣжеству переписчиковъ, въ эти книги вкрадывалось много очень грубыхъ ошибокъ, пропусковъ и даже преднамѣренныхъ искаженій, извращавшихъ или вовсе затемнявшихъ смыслъ рѣчи.

Когда охота къ чтенію стала все болѣе и болѣе развиваться, и требованіе на книги усиливаться, тогда переписчики, желая заработать побольше

денегъ, начали заботиться только о томъ, какъ бы поскорѣе переписать книгу да сбыть ее желающему. Понятно, что вслѣдствіе этого порча, или, какъ говорили въ ту пору, «растлѣніе», церковныхъ книгъ должна была дойти до крайняго безобразія.

Одинъ образованный монахъ, Максимъ Грекъ, вызванный въ Москву, именно, для исправленія богослужебныхъ книгъ, прямо указывалъ, какъ на причину ихъ «растлѣнія», на невѣжество и нерадѣніе переписчиковъ. (Самъ царь Иванъ Грозный на Стоглавомъ соборѣ въ Москвѣ, въ 1551 г., говорилъ: «Божественныя книги писцы пишутъ съ неправленныхъ переводовъ, а написавъ, не правятъ ихъ; опись къ описи прибываетъ, и недописи, и точки непрямыя; и по тѣмъ книгамъ въ церквахъ Божіихъ чтутъ и поютъ, и учатся, и пишутъ съ нихъ»... Соборъ поручилъ духовенству исправить богослужебныя книги по всѣмъ церквамъ, а неисправленныя книги приказано было у продавцовъ и покупателей отбирать даромъ «безъ всякаго зазору, да, исправивъ, отдавать въ церкви, которыя будутъ книгами скудны, да, видячи таковая, и прочіи страхъ пріимутъ». Но духовенство въ тѣ времена было необразовано, и задача, заданная ему соборомъ, оказалась ему не по силамъ: книги не исправлялись, попрежнему переписывались безграмотно, повсюду продавались безвозбранно, и никто «не пріялъ» ни малѣйшаго страха.)

Вскорѣ же послѣ Стоглаваго собора понадобилось особенно много богослужебныхъ книгъ для

церквей, строившихся во вновь завоеванномъ тогда Казанскомъ царствѣ и во многихъ другихъ мѣстахъ. Тогда царь приказалъ скупать рукописныя книги на торжищахъ, и при этомъ изъ массы купленныхъ книгъ только самая малая часть оказалась пригодною къ употребленію. Вѣроятно, это-то обстоятельство въ связи съ разговорами Максима Грека и навело царя на мысль о заведеніи книгопечатнаго дѣла на Руси. «Царю и великому князю Іоанну Васильевичу всея Руси», говорится въ древнемъ сказаніи, «вложилъ Богъ въ умъ благую мысль, какъ бы ему изряднѣе въ Русской землѣ учинить и вѣчную память по себѣ оставить: произвести бы ему отъ письменныхъ книгъ печатныя, ради крѣпкаго исправленія и утвержденія, и скораго дѣланія и ради легкой цѣны, и ради своей похвалы, и такъ бы учинить въ царствующемъ градѣ Москвѣ и во всей Россіи, какъ въ Грекахъ и нѣмецкихъ земляхъ, въ Виницѣ (Венеціи) и во Фригіи (Италіи), и въ Бѣлой Руси, и въ Литовской землѣ, и въ прочихъ тамошнихъ странахъ, дабы было всякому православному христіанину праведно и несмутно читать святыя книги и говорить по нимъ и дабы повелѣть испущать ихъ во всю Русскую землю».

Митрополитъ Макарій заявилъ, что «эта мысль внушена царю самимъ Богомъ», что это—«даръ, свыше сходящій».

Царь приказалъ строить для типографіи особый домъ подъ названіемъ «Печатнаго Двора», въ са-

момъ центрѣ города, на Никольской улицѣ, близъ Кремля. (Съ той поры онъ и находился все на одномъ и томъ же мѣстѣ, на которомъ стоитъ и понынѣ подъ именемъ Синодальной типографіи, гдѣ печатаются богослужебныя книги. Мѣсто для печатнаго двора было выбрано удачно. Съ одной стороны его находилось Посольское подворье, съ другой стороны—Никольскій монастырь, а рядомъ съ нимъ и по всей Никольской улицѣ тянулись торговые ряды, церкви, монастыри и дома тогдашнихъ вельможъ.) По сосѣдству, въ Кремлѣ, жили царь и патріархъ. Они съ большимъ вниманіемъ слѣдили за изданіемъ книгъ и нерѣдко сами посѣщали печатный дворъ. (Близость торговыхъ рядовъ представляла удобство и въ томъ отношеніи, что легко было заготовлять и покупать всѣ типографскіе матеріалы, а также сбывать печатавшіяся здѣсь книги. Почти до половины XVII столѣтія при типографіи не было книжныхъ лавокъ, а книги развозились по торговымъ рядамъ, гдѣ и сдавались для розничной продажи торговымъ старостамъ.)

Иванъ Грозный не щадилъ издержекъ на постройку Печатнаго Двора, но все-таки послѣдній строился ровно 10 лѣтъ—съ 1553 до 1563 г. Печатаніе первой книги на Руси было начато 19 апрѣля 1563 г. и окончено 1 марта 1564 г. Наши первыя печатныя книги были явнымъ подражаніемъ книгамъ рукописнымъ. Какъ рукописи прежде украшались красными заставками и всякими за-

тѣйными буквами, такъ и въ печатныхъ книгахъ явились травчатыя и фигурныя буквы и заставки въ началѣ главъ, а въ началѣ и въ срединѣ текста цѣлыя строки печатались киноварью. При книгѣ, какъ прежде при рукописи, помѣщалось также объявленіе о томъ: когда, по чьему благословенію, въ чье царствованіе и при чьей помощи печаталась книга; печатники такъ же, какъ и прежніе писцы, заканчивали послѣсловія своихъ книгъ молитвами, смиреннымъ обращеніемъ къ читателямъ, чтобы тѣ «не осуждали и не порицали, а исправляли»...

Главнымъ дѣятелемъ при введеніи книгопечанія на Руси былъ Иванъ Ѳедоровъ, дьяконъ кремлевской церкви Николы Гостунскаго.

Это былъ человѣкъ большого ума, очень образованный, по своему времени, дѣятельный, съ желѣзной волей и горячею, самоотверженною любовью къ своему дѣлу. Онъ прекрасно изучилъ искусство книгопечатанія и посвятилъ ему беззавѣтно всю свою жизнь. Товарищемъ и сотрудникомъ у него былъ Петръ Тимоѳеевъ Мстиславецъ, но слава введенія книгопечатнаго дѣла на Руси все-таки всецѣло принадлежитъ одному Ивану Ѳедорову...

III.

О дѣтствѣ и юности перваго русскаго книгопечатника не дошло до насъ никакихъ извѣстій. Даже не имѣется свѣдѣній о томъ: гдѣ и когда научился онъ въ такомъ совершенствѣ своему му-

дреному искусству. Извѣстно только, что онъ родился въ 1523 г. и до 1553 г. служилъ дьякономъ, а затѣмъ, овдовѣвъ, оставилъ дьяконское мѣсто и посвятилъ себя книгопечатанію. Этому же искусству онъ научилъ и сына своего, Ивана, который былъ притомъ еще и переплетчикомъ. Иванъ Ѳедоровъ былъ не только печатникомъ, но и словолитцемъ, то-есть—умѣлъ самъ лить буквы. Вообще на свое дѣло онъ смотрѣлъ съ высокимъ уваженіемъ, считая книгопечатаніе «даромъ, свыше ниспосланнымъ, божественнымъ талантомъ, дѣломъ богоизбраннымъ». Царь Иванъ Васильевичъ заодно съ нимъ смотрѣлъ на книгопечатаніе, какъ на «дѣло великое и преславное».

Первая книга, напечатанная Иваномъ Ѳедоровымъ подъ заглавіемъ: «Дѣянія апостольска и посланія соборная и святого апостола Павла посланія»,— извѣстна болѣе, просто, подъ именемъ «Апостола». Эта-то книга и лежала передъ эстрадой на пюпитрѣ въ залѣ петербургской думы во время чествованія памяти Ивана Ѳедорова 6 декабря 1883 года.

Вѣроятно, немногимъ изъ васъ, мои друзья, пришлось видѣть это замѣчательное произведеніе типографскаго искусства XVI вѣка, а поэтому я и считаю нужнымъ и небезынтереснымъ познакомить васъ съ нимъ.

Книга напечатана на плотной голландской бумагѣ, на 267 листахъ небольшого формата; при печатаніи ея употреблялась азбука одной мѣры и одного рисунка; буквы—четкія, красивыя и ровныя.

Кромѣ чернилъ, шла на печатаніе киноварь. Киноварью сдѣланы оглавленія и прописныя буквы. Седьмой листъ, на которомъ напечатано «Сказаніе Дѣяній», помѣченъ первымъ; слѣдующій за нимъ листъ съ лицевымъ изображеніемъ на оборотѣ евангелиста Луки, рѣзаннымъ на деревѣ или оловѣ, оставленъ безъ помѣты, а затѣмъ съ третьяго листа, на которомъ начинаются «Дѣянія», идетъ уже непрерывная помѣта листовъ славянскими буквами, поставленными внизу, подъ правымъ угломъ лицевыхъ страницъ. На послѣднихъ двухъ листахъ книги помѣщено послѣсловіе.

Изображеніе евангелиста Луки, напечатанное въ рамкѣ, состоящей изъ полукруглой арки на двухъ колонкахъ, сдѣлано очень тщательно. Евангелистъ Лука сидитъ на скамьѣ, наклонившись въ правую сторону отъ зрителя; въ рукахъ его—книга, передъ нимъ—столикъ, на столикѣ—чернилица съ перомъ и развернутый свитокъ со словами: «первое убо слово». Наверху, надъ головою евангелиста также свитокъ съ надписью: «олѿ»; около головы, вмѣсто вѣнчика—сіяніе. Кромѣ этого рисунка, въ книгѣ находятся еще украшенія: заставницы—украшенія въ итальянскомъ вкусѣ надъ заглавіями, иногда очень затѣйливыя; начальныя буквы—черныя и травчатыя, одного рисунка съ заставницами, и вязь—узкія киноварныя слова, которыми напечатаны заглавія. Вообще, внѣшность этой первопечатной нашей книги очень замѣчательна по своей чистотѣ и изяществу и по внутреннимъ достоинствамъ: из-

датели исправили въ ней множество ошибокъ и неточностей, а слогъ очистили отъ устарѣвшихъ формъ и словъ, вслѣдствіе чего онъ уже и приближается къ теперешнему церковно-славянскому языку.)

Въ 1565 г. Иванъ Ѳедоровъ напечаталъ «Часовникъ» и уже приготовлялся къ новымъ, дальнѣйшимъ трудамъ, какъ вдругъ разразилась гроза, уже давно собиравшаяся надъ его головою...

Много враговъ нажилъ себѣ въ Москвѣ Иванъ Ѳедоровъ. Печатныя книги были лучше рукописныхъ во всѣхъ отношеніяхъ—дешевле, разборчивѣе, безъ грубыхъ ошибокъ и безъ пропусковъ. Спросъ на рукописныя книги прекращался; переписчикамъ приходилось оставаться безъ дѣла или приниматься за другое занятіе. Иванъ Ѳедоровъ своими печатными книгами лишалъ ихъ заработка; типографія дѣйствовала въ подрывъ ихъ промыслу. Эти люди, не видѣвшіе далѣе своего носа, отнеслись крайне враждебно къ Ивану Ѳедорову; какъ будто онъ работалъ изъ какихъ-нибудь корыстныхъ, личныхъ цѣлей, а не на пользу общую. И возненавидѣли они его лютою ненавистью, какую обыкновенно питаютъ неразвитые и себялюбивые люди къ человѣку, заставляющему ихъ жертвовать долей житейскихъ удобствъ для общаго блага... И кромѣ переписчиковъ, нашлись еще враги. Люди мелочные, честолюбивые завидовали Ивану Ѳедорову, видя къ нему явное благоволеніе царя. Они мѣряли всѣхъ и все на свой короткій аршинъ, ду-

мая, что можно работать только ради царскихъ милостей или—вообще—ради житейскихъ выгодъ. Невѣжественное духовенство, со своей стороны, видѣло пагубную ересь въ тѣхъ исправленіяхъ, какія сдѣлалъ Иванъ Ѳедоровъ въ «Апостолѣ».

Наконецъ, книгопечатаніе, какъ дѣло новое, невиданное и неслыханное, вообще возбуждало къ себѣ тупую злобу въ средѣ темныхъ людей, не любившихъ и боявшихся всего новаго и не желавшихъ выходить изъ мрака къ свѣту...

Нужно было во что бы то ни стало избавиться отъ Ивана Ѳедорова, нужно было устранить, погубить его. Нужно было какъ-нибудь придраться къ нему... И вотъ пустили въ ходъ ложь и клевету. Ивану Ѳедорову стали приписывать всевозможныя преступленія. Его обвиняли и въ ереси, и въ волшебствѣ, и въ сношеніяхъ съ нечистой силой... Враги наступали смѣло, увѣренно и—добились своего.

Иностранецъ Флетчеръ, бывшій въ Москвѣ при царѣ Ѳедорѣ Ивановичѣ, разсказываетъ, что Печатный Дворъ былъ сожженъ людьми неблагонамѣренными, считавшими книгопечатаніе дѣломъ дьявольскимъ. Печатный станокъ погибъ во время пожара, и Ѳедорову удалось вырвать изъ огня лишь нѣкоторыя типографскія принадлежности. Печатникамъ приходилось теперь спасать свою жизнь и бѣжать изъ Москвы.

Хотя изъ разсказа самого Ивана Ѳедорова и видно, что преслѣдовалъ его не государь, а за-

вистливые, своекорыстные писцы и всякіе «начальники», но все-таки было опасно подвергаться обвиненіямъ въ ереси, въ волшебствѣ и въ сношеніяхъ съ дьяволомъ. Иванъ Грозный на ту пору уже дѣйствительно сталъ Грознымъ: начались страшныя казни, Курбскій бѣжалъ за границу, завелась опричнина. Поэтому наши печатники сочли за лучшее уйти подальше отъ Москвы, отъ злыхъ вороговъ, и скрылись въ Литву.

IV.

Объ этомъ печальномъ времени своей жизни Иванъ Ѳедоровъ самъ повѣдалъ намъ въ послѣсловіи къ одной изъ напечатанныхъ имъ за границей книгъ: «Сія же убо не туне начахъ повѣдати вамъ, но презѣльнаго ради озлобленія часто случающагося намъ, не отъ самого государя, но отъ многихъ начальникъ, и священноначальникъ, и учитель, которые на насъ, зависти ради, многія ереси *) умышляли, хотячи благое въ зло превратити и божіе дѣло вконецъ погубити; якоже обычай есть злонравныхъ, и ненаученыхъ, и неискусныхъ въ разумѣ человѣкъ, ниже грамотическія хитрости навыкше, ниже духовнаго разума исполнены бывше, но туне и всуе слово зло пронесоша. Такова де есть зависть и ненависть, сама себѣ навѣтующи, не разумѣетъ, како ходитъ, и о чемъ утверждается; сія убо

*) Это слово, повидимому, употреблено здѣсь вмѣсто слова „преступленія“.

насъ отъ земля и отечьства, и отъ рода нашего изгна, и въ ины страны незнаемы пресели»...

Переселившись «въ ины страны незнаемы», Иванъ Θедоровъ съ товарищемъ своимъ Мстиславцемъ нашли себѣ пріютъ у добрыхъ людей. Польскій король Сигизмундъ Августъ милостиво принялъ бѣглецовъ, и это, вѣроятно, можно отчасти объяснить тѣмъ, что книгопечатаніе на ту пору уже не было новостью въ Польшѣ. Одинъ изъ литовскихъ вельможъ, князь Григорій Александровичъ Ходкевичъ, «гетманъ наивышній великаго княжества литовскаго», съ соизволенія Сигизмунда Августа, пріютилъ у себя несчастныхъ московскихъ бѣглецовъ.

Иванъ Θедоровъ писалъ о немъ:... «упокоеваше насъ немало время и всякими потребами тѣлесными удовляше насъ. Еще же и сіе недовольно ему бѣ еще тако устроити насъ, но и весь (деревню) немалу дарова ми на упокоеніе мое». Въ своемъ большомъ имѣніи Заблудовьѣ Ходкевичъ устроилъ въ 1568 г. типографію и поручилъ ее Ивану Θедорову и Мстиславцу, а тѣ немедленно принялись за свое любимое дѣло. 8 іюля того же года въ заблудовской типографіи было начато печатаніе «Книги, зовомой Евангеліе учительное» и окончено 17 марта 1569 г. На оборотѣ заглавнаго листа этой книги помѣщенъ гербъ Ходкевича; въ началѣ разсказано о радушномъ пріемѣ, встрѣченномъ Θедоровымъ среди поляковъ, а въ концѣ предисловія напечатано нѣсколько строкъ отъ имени гетмана,

при чемъ нашъ печатникъ названъ «Иваномъ Ѳедоровичемъ Москвитинымъ», человѣкомъ, «наученнымъ въ дѣлѣ друкарскомъ» (—«друкарь»—польск. слово, значитъ «книгопечатникъ»).

Напечатавши это Евангеліе, друзья наши разстались и съ той поры стали трудиться порознь. Мстиславецъ былъ приглашенъ въ Вильно и устроилъ здѣсь типографію, просуществовавшую болѣе полувѣка. Съ того времени о Петрѣ Мстиславцѣ уже не было ни слуху,—ни духу. Ѳедоровъ же, оставшись одинъ въ Заблудовьѣ, напечаталъ еще Псалтирь съ Часословомъ, начатый 26 сентября 1569 г. и оконченный 23 марта слѣдующаго года. Въ это время не ждано, не гадано Ѳедоровъ остался безъ дѣла. «Когда гетманъ сталъ дряхлѣть и болѣть, разсказываетъ онъ, то повелѣлъ намъ прекратить нашу работу и пренебречь художествомъ рукъ нашихъ, и приняться въ деревнѣ за обработку земли. Однако же, невозможно показалось мнѣ коротать жизнь свою за плугомъ и сѣяніемъ сѣмянъ, такъ какъ мѣсто плуга для меня заступило книгопечатаніе, и мнѣ надлежало вмѣсто житныхъ сѣмянъ разсѣвать по вселенной сѣмена духовныя и всѣмъ раздавать эту духовную пищу.»

У Ѳедорова была деревня, и онъ могъ вести вполнѣ обезпеченную, спокойную жизнь, благодаря милостямъ стараго гетмана. Но не того ему было надо... Преданный со всею силой страсти своему дѣлу, бывшему, по его убѣжденію, «божіимъ дѣломъ», нашъ печатникъ не могъ довольствоваться деревен-

скимъ спокойствіемъ и прелестью полей. Онъ отказывается отъ безбѣднаго существованія, покидаетъ свое мирное убѣжище и во время страшной моровой язвы, «черезъ всякія скорби и бѣды», отправляется въ Львовъ—главный городъ Червонной Руси...

Здѣсь, во Львовѣ, въ древнемъ славянскомъ городѣ, московскій книгопечатникъ задумалъ устроить типографію, но денегъ у него не было, и онъ сталъ обращаться съ просьбами о пособіи къ богатымъ людямъ; но тѣ не откликнулись на его призывъ. Просилъ онъ и священниковъ оповѣщать народъ съ амвоновъ по церквамъ о пользѣ его дѣла, но и это не помогло. Сочувствующихъ находилось мало. Наконецъ, кое-какъ, при помощи духовенства и бѣдняковъ-мірянъ, Иванъ Ѳедоровъ на какіе-то жалкіе гроши завелъ типографію. 25 февраля 1570 г., онъ приступилъ къ печатанію Апостола и кончилъ его 15 февраля 1574 г. Эта книга очень интересна тѣмъ, что въ послѣсловіи къ ней печатникъ разсказываетъ о постигшихъ его гоненіяхъ, о взведенныхъ на него напрасныхъ обвиненіяхъ и о тяжкихъ трудахъ, предпринятыхъ имъ для «разсѣиванія духовныхъ сѣмянъ во вселенной».

Несмотря на скудость средствъ и плохое житье, кромѣ Апостола, онъ напечаталъ здѣсь еще и другія книги, что видно изъ документовъ, хранящихся въ архивѣ Львовскаго братства, но, къ сожалѣнію, ни одна изъ этихъ книгъ не дошла до насъ. Иванъ Ѳедоровъ до того бѣдствовалъ, до того нуждался въ деньгахъ, что даже вынужденъ былъ разстаться со

своимъ любимымъ типографскимъ станкомъ и заложилъ его какому-то еврею Якубовичу...

Въ 1580 г., по приглашенію Кіевскаго воеводы князя Константина Константиновича Острожскаго Иванъ Ѳедоровъ отправился въ Острогъ вмѣстѣ съ сыномъ своимъ Иваномъ. Князь Константинъ Острожскій, извѣстный своею любовью къ просвѣщенію, завелъ у себя большую книгопечатню и отдалъ ее въ распоряженіе нашему Москвитину. Въ Острогѣ Иванъ Ѳедоровъ вполнѣ предался своему дѣлу. Въ 1580 г. онъ напечаталъ здѣсь Новый Завѣтъ съ Псалтирью въ одной книгѣ. Въ томъ же году имъ отпечатано первое изданіе знаменитой Острожской библіи, а въ слѣдующемъ 1581 г. послѣдовало ея второе изданіе. Это—первая полная печатная библія на славянскомъ языкѣ. Всѣ шрифты и украшенія для нея сдѣланы самимъ Ѳедоровымъ и такъ хороши, такъ чисты и изящны, что Острожская библія, по красотѣ изданія, стоитъ наряду съ лучшими произведеніями типографическаго искусства XVI столѣтія. Она напечатана въ листъ. Первые 8 полулистовъ, оставленные безъ помѣтъ, заключаютъ въ себѣ: заглавіе книги, напечатанное киноварью и чернилами, помѣщенное въ той же рамкѣ, которая окружаетъ изображеніе евангелиста Луки въ московскомъ и львовскомъ изданіяхъ Апостола; здѣсь же помѣщается гербъ князя Острожскаго, окруженнаго стихами въ шести куплетахъ; два предисловія—на греческомъ и славянскомъ языкахъ, а въ концѣ книги—послѣсловіе.

Текстъ раздѣленъ на два столбца и украшенъ черными заставками, фигурными буквами въ началѣ главъ и узелками въ концѣ ихъ.

Эта-то библія, посвященная княземъ Острожскимъ «Величеству Божію», и послужила оригиналомъ и образцомъ при печатаніи первой библіи въ Москвѣ въ 1663 г.

Изданіемъ этой книги закончилась плодотворная дѣятельность Ивана Өедорова. Эта дѣятельность, особенно энергично, усиленно проявившаяся въ Острогѣ, оказала большое вліяніе на всю юго-западную Русь. Изъ Острога книгопечатаніе распространилось по всѣмъ сосѣднимъ краямъ и наконецъ появилось въ Кіевѣ, — и вездѣ острожскія изданія служили образцами, и книги печатались шрифтами, полученными изъ Острога.

V.

Послѣ отпечатанія Острожской библіи въ 1581 г. Иванъ Өедоровъ снова переселился въ Львовъ, но какъ ни бился, никакъ не могъ выкупить своихъ типографскихъ инструментовъ. Наконецъ, 5 декабря 1583 года, всѣми покинутый и забытый, онъ умеръ въ страшной бѣдности въ Подзамче,— предмѣстьѣ города Львова,—и похороненъ на кладбищѣ православнаго львовскаго братства при Онуфріевской церкви. На могилѣ его добрые люди положили камень.

На этомъ продолговатомъ, четыреугольномъ кам-

нѣ посрединѣ, между полустертыми надписями оказался тотъ же самый знакъ, который Иванъ Ѳедоровъ употреблялъ въ своихъ львовскихъ и острожскихъ изданіяхъ: рѣка въ полѣ, по бокамъ которой,—начальныя буквы его имени,—І. Ѳ. Но крестъ, украшавшій иногда верхнюю часть герба Ѳедорова въ первопечатныхъ книгахъ, замѣненъ другимъ знакомъ—чѣмъ-то въ родѣ угольника, помѣщеннаго наверху прямого, небольшого столбика. Этотъ угольникъ, составляющій необходимый инструментъ при изготовленіи подвижныхъ книгопечатныхъ буквъ, можетъ быть, выражаетъ здѣсь собой эмблему типографскаго искусства. На краяхъ камня видна надпись: «друкарь москвитинъ которыи своимъ тщаніемъ друкование занедбалое *) обновилъ преставися в лвовѣ року **) А. Ф. П. Г. декемврія Е». Вверху доски, надъ гербомъ, начертаны слова: «оупокоенія воскресенія измертвыхъ чаю».... а внизу: «друкарь книгъ предтымъ невиданныхъ». Этотъ камень, почти въ сажень длины, находится и понынѣ въ притворѣ церкви Св. Онуфрія въ Львовѣ.

Такъ кончилъ Иванъ Ѳедоровъ, нашъ первый книгопечатникъ, человѣкъ, всю жизнь посвятившій на благое дѣло, на пользу народа русскаго. Обра-

---

*) „Занедбалое“ — забытое, оставленное. Еще ранѣе Ивана Ѳедорова нѣкто Святополкъ Фіолъ въ Галицкой Руси печаталъ богослужебныя книги, но затѣмъ книгопечатное дѣло было заброшено: Иванъ Ѳедоровъ возобновилъ его.

**) „Рокъ“ значитъ—годъ, А. Ф. П. Г—1583, Е—5.

зованіе, вмѣсто того, чтобы составлять привилегію лишь немногихъ избранныхъ, благодаря этому неутомимому труженику, должно было впослѣдствіи сдѣлаться достояніемъ всѣхъ.

Имя Ивана Ѳедорова у насъ мало извѣстно, но плодами трудовъ этого человѣка пользуются уже милліоны русскаго народа. Его малоизвѣстное имя по праву можетъ стоять на ряду съ именами замѣчательнѣйшихъ русскихъ людей. Этотъ мирный труженикъ, такъ самоотверженно послужившій родинѣ и изганникомъ, на чужбинѣ продолжавшій горячо любить ее, служившій ей безкорыстно до послѣдняго издыханія, конечно, достоинъ памятника, подобно великимъ поэтамъ и полководцамъ. На памятникъ его открыта подписка... Но онъ уже самъ себѣ воздвигнулъ великолѣпный, чудесный памятникъ, которому могли бы позавидовать всѣ величайшіе полководцы въ мірѣ — Александры Македонскіе и Ганнибалы, оставившіе по себѣ на землѣ въ видѣ памятниковъ лишь груды человѣческихъ костей. Посмотрите на самые громадные памятники, существующіе на землѣ, — на пирамиды, оставленныя послѣ себя могущественными фараонами египетскими, — посмотрите вы на эти памятники, массивные и грандіозные, нагроможденные въ пустынѣ! Что скажетъ вамъ ихъ мертвый камень? Онъ ничего не скажетъ вамъ, а говоритъ за него лишь ваше собственное воображеніе, переносясь въ отдаленное прошлое и населяя различными призраками его сѣдые туманы.

А памятникъ, оставленный по себѣ Иваномъ Ѳедоровымъ, самъ говоритъ за себя внятно, явственно. Вотъ эта самая книга, которую теперь вы держите въ рукахъ, представляетъ собой одну часть этого — поистинѣ великаго памятника. Въ самомъ дѣлѣ, какая же Хеопсова пирамида, простоявшая въ пустынѣ десятки вѣковъ памятникомъ человѣческаго безумія, страданія и рабства, можетъ сравниться въ величіи съ живымъ памятникомъ книгопечатника, съ памятникомъ, разносящимъ повсюду свѣтъ знанія!..

VI.

Всю жизнь Иванъ Ѳедоровъ боролся за свое дѣло, страдалъ, скитался на чужбинѣ изъ страны въ страну, не зная покоя и радостей, терпѣлъ всяческія лишенія, собиралъ по грошу на свою типографію и наконецъ умеръ въ нищетѣ, почти безъ куска хлѣба, и,—что всего горше,—въ разлукѣ со своимъ дорогимъ станкомъ, оставшимся въ закладѣ... Но онъ никогда не падалъ духомъ, не унижался, не бросалъ своего дѣла и вездѣ, гдѣ только успѣвалъ пріютиться, тотчасъ же ставилъ свой станокъ и принимался за печатаніе книгъ, или, какъ онъ самъ говорилъ, «сѣялъ сѣмена духовныя по вселенной». Онъ могъ бы жить въ покоѣ и въ довольствѣ, бросивъ книгопечатаніе, когда, напримѣръ, Хоткевичъ подарилъ ему участокъ земли и предлагалъ заняться сельскимъ хозяйствомъ. Но покой не манилъ Ивана Ѳедорова, не могъ онъ

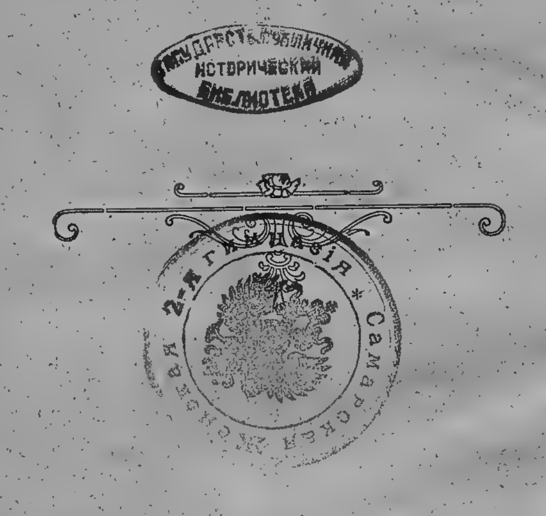
промѣнять его на свой типографскій станокъ, съ неудержимой силой привлекавшій его къ себѣ...

Съ той темной поры, когда московскіе «начальники и священноначальники», и невѣжественные переписчики желали стереть съ лица земли Ивана Θедорова за его книгопечатаніе, прошло 300 лѣтъ.

Теперь насчитывается въ Россіи уже болѣе 1,000 типографій. Въ каждомъ большомъ русскомъ городѣ работаетъ типографскій станокъ; типографскихъ рабочихъ—цѣлая армія. Школъ — десятки тысячъ и число ихъ растетъ съ каждымъ годомъ; въ каждой школѣ есть хоть маленькая библіотека. Публичныя библіотеки и читальни заводятся въ каждомъ значительномъ городѣ. Газеты въ милліонахъ экземпляровъ ежедневно разносятся по лицу земли русской, проникая въ самые глухіе, захолустные углы ея. Книжный рынокъ постоянно обогащается новыми произведеніями по всѣмъ отраслямъ наукъ и искусствъ. Нѣтъ такой деревушки, куда не пробилось бы печатное слово и не проложило бы пути къ знанію...

И нѣтъ на землѣ такой силы, которая могла бы теперь остановить этотъ широко разливающійся потокъ просвѣщенія. Жалокъ оказался бы тотъ человѣкъ, кто возомнилъ бы себя могущественнѣе этого потока и сказалъ бы ему: «Ни шагу далѣе! Ни съ мѣста!..» Онъ уподобился бы императору Юліану и, признавъ себя побѣжденнымъ въ этой неравной борьбѣ, долженъ былъ бы съ горечью воскликнуть: «Ты побѣдилъ, Галилеянинъ!..»

Теперь вы знаете, по комъ торжественно служились панихиды, чью память такъ чествовали 5 декабря 1883 года. Въ этотъ день исполнилось триста лѣтъ со дня кончины Ивана Өедорова. Русь не забыла своего перваго книгопечатника и съ особенною, задушевною торжественностью справила по немъ поминки.

Самарская Женская 2-я гимназія

-50

Н. Позняковъ.

Канцеляристъ. Ц. 25 к.
Киця. Ц. 20 к.
Въ сельской школѣ. Ц. 25 к.
Дѣти золотой глуши. Ц. 20 к.
Амишка на раздольѣ. Ц. 25 к.
Плѣнники. Ц. 20 к.

Природа и люди Россіи.

Общедоступныя книжки подъ редакціей **А. А. Ивановскаго.**

Буряты. Ц. 10 к.
Якуты. Ц. 10 к.
Амурскій край. Ц. 10 к.
Прибалтійскій край. Ц. 10 к.
Чукчи. Ц. 10 к.
Великоруссы. Ц. 40 к.
Аварцы. Ц. 10 к.
Тунгусы. Ц. 20 к.
Киргизы. Ц. 20 к.
Туркмены. Ц. 10 к., и другія.

Е. Смирновъ.

Былинка.
Сборникъ стихотвореній для дѣтей младшаго и средняго возраста. Цѣна 60 к.

Колосъ.

Сборникъ стихотвореній для дѣтей старшаго возраста. Ц. 60 к.

К. Станюковичъ.

Вокругъ свѣта на Коршунѣ, въ обложкѣ цѣна 2 р., въ папкѣ—2 р. 25 к., въ переплетѣ—2 р. 75 к.

Одобрена Ученымъ Комитетомъ Мин. Нар. Просвѣщенія для ученическихъ, младшаго и средняго возрастовъ, библіотекъ мужскихъ и женскихъ гимназій, реальныхъ училищъ, учительскихъ институтовъ, учительскихъ семинарій, городскихъ училищъ, а равно для народныхъ безплатныхъ читаленъ. 24 августа 1901 г. № 22423.

Похожденія одного матроса, въ обложкѣ цѣна 1 р. 75 к., въ папкѣ—2 р., въ переплетѣ—2 р. 50 к.

Рекомендована Ученымъ Комитетомъ Мин. Нар. Просвѣщенія для ученическихъ библіотекъ средняго и старшаго возрастовъ всѣхъ среднихъ учебныхъ заведеній и учительскихъ семинарій Министерства и для безплатныхъ народныхъ библіотекъ и читаленъ. 18 сентября 1901 г. № 24685.

Нянька. Ц. 40 к.

Н. Телешовъ.

Елка Митрича. Ц. 25 к.
Бѣлая цапля. Ц. 25 к.

Уйда.

Снѣгирь. Ц. 30 к.

Ульяновъ.

Старый башмакъ. Ц. 10 к.
Корноушка. Ц. 15 к.
Заячья елка. Ц. 15 к.
Друзья. Ц. 25 к.
Волчокъ. Ц. 25 к.
Мышка. Ц. 20 к.

В. Фромъ.

Завоеваніе Мексики. Ц. 6 к.
Константинопольскія собаки. Цѣна 25 к.

М. Юрьева.

Тетя-мама. Ц. 25 к.
Снѣгурочка. Ц. 80 к.
Павликъ. Ц. 30 к.

В. Михеевъ.

Фрося и Пестрянка. Ц. 30 к.
Въ школьной ночлежной. Ц. 25 к.

Жизнь пещернаго человѣка.

Съ американскаго перевелъ **Н. С. К—овъ.** Ц. 1 р. 50 к.

Цѣна 15 к., въ папкѣ 30 к.

Типо-лит. Т-ва И. Н. Кушнеревъ и К° Москва.